
КУДА ДВИЖЕТСЯ БРИКС: СЦЕНАРИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И ЦЕННОСТНОГО РАЗВИТИЯ*

Устюжанин В. В., Зинькина Ю. В., Мусиева Д. М., Коротаев А. В.**

В настоящей статье ставится двоякая цель: во-первых, построение сценарных прогнозов демографического будущего стран БРИКС, во-вторых, прогнозирование наиболее значимых последствий того или иного сценария в плане сдвигов в ценностных установках. Показано, что негативный демографический сценарий может привести к заметному ослаблению БРИКС как в экономическом (из-за сокращения трудовых ресурсов), так и в ценностно-культурном отношении на мировой арене. Однако реализация проекта

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Устюжанин В. В., Зинькина Ю. В., Мусиева Д. М., Коротаев А. В. Куда движется БРИКС: сценарии демографического и ценностного развития // Век глобализации. 2023. № 4. С. 80–93. DOI: 10.30884/vglob/2023.04.06.

For citation: Ustyuzhanin V. V., Zinkina Yu. V., Musiyeva J. M. Korotayev A. V. Where BRICS is Heading: Demographic and Value Development Scenarios // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2023. No. 4. Pp. 80–93. DOI: 10.30884/vglob/2023.04.06 (in Russian).

** Устюжанин Вадим Витальевич – м. н. с. Международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС, м. н. с. Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ. E-mail: vvustuzhanin@yandex.ru.

Vadim V. Ustyuzhanin – junior Researcher at the RANEPА International Laboratory of Demography and Human Capital, junior Researcher at the Center for Stability and Risk Studies of the HSE University. E-mail: vvustuzhanin@yandex.ru.

Зинькина Юлия Викторовна – д. э. н., с. н. с. Международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС, н. с. факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: juliazin@list.ru.

Yulia V. Zinkina – Dr. Econ., senior Researcher at the RANEPА International Laboratory of Demography and Human Capital, Researcher at the Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University. E-mail: juliazin@list.ru.

Мусиева Джамиля Маллаевна – н. с. факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, стажер-исследователь Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ. E-mail: musdjam@mail.ru.

Jamilya M. Musiyeva – Researcher at the Faculty of Global Processes, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, trainee Researcher at the Center for the Study of Stability and Risks, National Research University Higher School of Economics. E-mail: musdjam@mail.ru.

Коротаев Андрей Витальевич – д. и. н., профессор, директор Центра изучения стабильности и рисков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в. н. с. Международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: akorotayev@gmail.com.

Andrey V. Korotayev – Dr. Hist., Professor, Director of the Center for the Study of Stability and Risks of the HSE University, leading Researcher at the RANEPА International Laboratory of Demography and Human Capital, Professor, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University. E-mail: akorotayev@gmail.com.

Век глобализации 4/2023 80–93

DOI: 10.30884/vglob/2023.04.06

БРИКС+ будет способствовать значительному влиянию объединения на ценностно-культурную карту мира.

Ключевые слова: БРИКС, БРИКС+, демографическое развитие, демографические прогнозы, ценностные установки.

WHERE BRICS IS HEADING: DEMOGRAPHIC AND VALUE DEVELOPMENT SCENARIOS

The aim of this paper is twofold: first, to build scenario forecasts of the demographic future of the BRICS countries, and second, to predict the most significant consequences of a particular scenario in terms of shifts in values. It is shown that the negative demographic scenario can lead to a noticeable weakening of the BRICS in the global arena both in economic (due to the reduction of labor resources) and in value-cultural terms. However, the implementation of the BRICS+ project will contribute to a significant impact of the union on the values and cultural map of the world.

Keywords: BRICS, BRICS+, demographic development, demographic projections, values.

Введение

Актуальность «внезапных» объединений государств, таких как БРИКС, стремительно возрастает в процессе перехода глобального миропорядка к многополярности и в условиях геополитического обострения, сопровождающего нарастание напряженности в прежней однополярной системе. Россия наряду с Китаем и Индией входит в число крупнейших мировых держав, вносящих наиболее существенный вклад в развитие полицентричности миропорядка [Садовничий и др. 2014; Гринин 2023; Алексеенко 2017; Попова 2017]. Развитие БРИКС рассматривается рядом крупных ученых как сдвиг центра цивилизационного развития на Восток [Перспективы... 2014]. При этом ценностная, идейная основа сотрудничества стран БРИКС между собой и с другими развивающимися государствами оказывается гораздо сложнее, чем «противостояние США», сведение ее к этому тезису представляется непростительно грубым редуccionизмом. Исследование расстояния между странами мира в пространстве ценностных установок, измеренных в ходе Всемирного обследования ценностей (*World Values Survey*), показало, что некоторые пары государств, входящих в БРИКС, являются ближайшими «соседями по ценностям» друг для друга, то есть в наибольшей степени склонны поддерживать одни и те же ценности (например, Россия – Китай, Индия – ЮАР), однако некоторые пары государств оказываются довольно далеко отстоящими друг от друга (например, Россия – Индия, Бразилия – Индия) [Шульгин и др. 2018]. В этом контексте представляется совершенно корректным утверждение Н. В. Поповой о необходимости развития межстранового диалога, «основанного как на общих ценностях, так и на понимании существующих ценностных различий. Данное условие требует интенсивного научного и гуманитарного сотрудничества» [Попова 2021: 4].

Одним из значимых следствий налаживания такого диалога в частности и развития многополярного миропорядка в целом нам представляются изменения в ценностной картине глобального мира (то есть приверженности тем или иным

ценностным установкам населения планеты). Авторы теории последовательности человеческого развития Р. Инглхарт и К. Вельцель строили ее на предположении о том, что одним из основных процессов, формирующих ценностные установки населения, является модернизация [Inglehart, Welzel 2005; Inglehart 2015; 2020], из чего проистекало предположение о том, что по мере модернизации развивающиеся страны будут приближаться в распространенности тех или иных ценностей к странам развитым. Однако исследование, проведенное нами с использованием некоторых элементов методики Инглхарта и Вельцеля на данных Ш. Шварца, выявило различную направленность движения стран мира по ценностным осям, выделенным Шварцем. Действительно, как в западном мире (включающем страны Европы и бывшие переселенческие колонии обеих Америк и Океании), так и в африканском макрорегионе модернизация (аппроксимируемая через такие показатели, как ВВП на душу населения и доли занятых по секторам экономики) сопровождается уменьшением ценностей сохранения и ростом ценностей открытости к изменениям. Однако в западном мире рост открытости сопровождается ростом заботы об окружении, а в африканском мире – ростом самоутверждения. При этом обнаруженное различие между западным и африканским макрорегионами «можно объяснить через стадийный фактор лишь очень частично. В значительно большей степени речь, видимо, идет о различных цивилизационных паттернах модернизации ценностей» [Зинькина, Слинко и др. 2018: 44; Korotayev *et al.* 2019]. Соответственно, дальнейшее развитие стран БРИКС может привести не к конвергенции, а к дивергенции ценностей населения Запада и Востока.

Это явление будет иметь особое значение с учетом масштабности демографического веса БРИКС, две из пяти стран которого являются крупнейшими в мире по населению. Соответственно, глобальные ценности, вполне вероятно, будут все больше определяться ценностными установками населения этих двух государств. Однако это зависит и от демографических траекторий развития БРИКС. В более ранней работе мы показывали, что глобальные демографические тенденции могут привести к замедлению глобализации и снижению уровня глобальной интеграции по мере того, как будет возрастать численность населения таких развивающихся стран, которые имеют относительно более низкий уровень глобализованности [Зинькина, Шульгин и др. 2018]. Было также показано, что такой чрезвычайно значимый глобальный демографический феномен, как старение населения не только в развитых, но уже и во многих крупнейших развивающихся странах, может привести к некоторым важным ценностным сдвигам (в частности, к росту приверженности просоциальным ценностям, которое наблюдается в более старших возрастах) [Коротаев и др. 2021]. Демографическая ситуация в каждой из стран БРИКС имеет свои специфические особенности, однако можно отметить и сходство ряда важных демографических характеристик этих государств. Так, Россия и Китай завершили демографический переход и для них сейчас скорее актуальны вопросы поддержки рождаемости, сходная ситуация наблюдается в Бразилии. Индия и ЮАР завершают демографический переход. В настоящей статье в свете вышесказанного ставится двойная цель: во-первых, построение сценарных прогнозов демографического будущего стран БРИКС, во-вторых, прогнозирование наиболее значимых последствий того или иного сценария в плане сдвигов в ценностных установках.

Данные и методология

В качестве метода для построения сценарных демографических прогнозов была использована когортно-компонентная модель («передвижки возрастов») «женского» типа (*female-based*). Единицей населения являются годовые возрастные группы (0–100+ лет), а прогноз делается по временным интервалам, составляющим 1 год. Моделирование населения происходит в несколько этапов:

1. Вычисляется число выживших в возрасте x до возраста $x+1$ на следующий год ($t+1$) по мужчинам (M) и женщинам (F) посредством следующих уравнений:

$$P_x^M(t+1) = \left[P_{x-1}^M(t) + \frac{I_{x-1}^M(t, t+1)}{2} \right] * \frac{L_x^M(t)}{L_{x-1}^M(t)} + \frac{I_{x-1}^M(t, t+1)}{2},$$

$$P_x^F(t+1) = \left[P_{x-1}^F(t) + \frac{I_{x-1}^F(t, t+1)}{2} \right] * \frac{L_x^F(t)}{L_{x-1}^F(t)} + \frac{I_{x-1}^F(t, t+1)}{2},$$

где P_x^M и P_x^F – мужское и женское население в возрасте x ; I_x^M и I_x^F – миграционный приток мужчин и женщин в возрасте x (другими словами, это число иммигрантов за вычетом эмигрантов); L_x^M и L_x^F – это среднее число живущих в возрасте x для мужчин и женщин, рассчитанное на основе таблиц смертности (частность между возрастными x и $x+1$ дает функцию дожития, отражающую, сколько человек доживет до следующего возраста). При этом для последнего возраста 100+ в функции дожития используется не среднее число живущих в возрасте x (L_x^M или L_x^F), а число человеко-лет, которое предстоит прожить людям в возрасте x , также взятое из таблиц смертности (T_x^M или T_x^F).

2. Вычисляется число родившихся живыми мужчин и женщин посредством следующих уравнений:

$$P_0^M(t+1) = \sum_{x=15}^{49} \left[F_x * \frac{P_x^F(t) + P_x^F(t+1)}{2} \right] * \frac{105}{205} * \frac{I_0^M(t)}{I_0^M(t)},$$

$$P_0^F(t+1) = \sum_{x=15}^{49} \left[F_x * \frac{P_x^M(t) + P_x^M(t+1)}{2} \right] * \frac{100}{205} * \frac{I_0^F(t)}{I_0^F(t)},$$

где F_x – повозрастные коэффициенты рождаемости (в модели предполагается, что детородный возраст начинается в 15 лет и заканчивается 49 годами), дроби показывают отношение родившихся мальчиков к девочкам (принято считать, что на 100 девочек рождается 105 мальчиков [Preston *et al.* 2001]), I_0^F и I_0^M – числа доживающих до возраста 0 (то есть корень таблицы смертности, равный в нашем случае 100 000) женщин и мужчин соответственно, а остальные переменные обозначают то же, что и в предыдущих уравнениях на первом этапе.

3. Далее процедура повторяется по всем годам прогноза.

В рамках построения прогнозов нами рассчитываются таблицы смертности¹ на основе повозрастных коэффициентов смертности, а также моделируются по-

¹ При этом «закрытие» таблицы проводится по методу, описанному в [Preston *et al.* 2001], показатель a_x рассчитан для родившихся по методу, описанному в [Andreev, Kingkade 2015], а далее берется равным 0,5.

возрастные коэффициенты рождаемости и уровень миграции. В качестве первоначальных данных были взяты данные Отдела народонаселения ООН [United... 2022]. Исходный год всех прогнозов – 2021, а конечный – 2100. Для прогноза уровней рождаемости и смертности использовались различные сценарии, представляющие собой доведение показателей страны А (по которой делается прогноз) к определенному году до референтного уровня страны В (при этом каждый по возрастной коэффициент моделируется в отдельности). В наших прогнозах миграция рассчитана нами косвенным методом по тем же данным ООН и остается неизменной на всем горизонте прогнозирования². Для доведения показателей страны А до уровня страны В используется логистическая функция³.

В качестве определения ценностного портрета страны использованы данные WVS седьмой волны, когда место страны на карте ценностей определяется двумя осями – осью ценностей выживания/самовыражения и осью традиционно-религиозных/секулярно-рациональных ценностей.

Демографические сценарии

Kumai

На рис. 1 представлены три сценария демографического будущего Китая:

1. UN D + KOR F показывает численность населения при условии, что уровень рождаемости будет доведен к 2035 г. до уровня Южной Кореи 2021 г. (с 1,16 ребенка на женщину до 0,88), а смертность будет снижаться по среднему сценарию ООН.

² Расчет и прогнозирование миграции – крайне трудная задача, и, как правило, приходится обходиться лишь неточными оценками с некоторыми предположениями. В нашем случае мы рассчитаем среднее нетто миграции с 2015 по 2019 г., взяв для этого данные отдела народонаселения ООН, а затем – по возрасту миграцию для обоих полов путем умножения миграции на долю каждого возраста в среднем населении за те же годы, что можно представить следующей формулой:

$$m_x^F = \frac{\sum_{t=2015}^{2019} M_t}{5} * \left(\frac{\sum_{t=2015}^{2019} \frac{P_{x,t}^F}{P_t}}{5} \right),$$

где m_x^F – нетто-миграция женщин (F) в возрасте x , M_t – общая нетто-миграция в год t , $p_{x,t}^F$ – женское население в возрасте x лет в год t , а P_t – общее население в год t . Для мужского населения все считается аналогичным образом.

Таким образом, прибывшее население (мигранты) полностью соответствует половозрастной пирамиде принимающей страны. Такая методика слабо применима к развивающимся странам в процессе первого демографического перехода с преобладанием детских возрастов в населении, однако в случае со странами БРИКС такой метод вполне применим, потому что большую часть населения составляют трудоспособные возраста.

³ Так, зная начальный (в момент t_1) и конечный (в момент t_{max}) уровни прогнозируемого параметра y (например, коэффициент рождаемости определенного возраста), можно записать логистическую функцию в следующем виде:

$$y(t) = c + a * \ln(t); \quad c = y(t_1); \quad a = \frac{y(t_{max}) - y(t_1)}{\log(t_{max})},$$

где c – значение параметра в начальный момент времени (в нашем случае – в 2021 г., где $t = 1$), a – коэффициент прироста.

2. UN D + SAH F показывает численность населения при условии, что уровень рождаемости будет доведен к 2035 г. до уровня Сахалинской области 2021 г. (с 1,16 ребенка на женщину до 1,94), а смертность будет снижаться по среднему сценарию ООН. Таким образом, первый сценарий можно назвать негативным (население к 2100 г. составит порядка 510 млн человек), а второй – позитивным (население к 2100 г. составит около 1125 млн человек).

3. UN Medium – средний сценарий отдела народонаселения ООН.

Разрыв в численности населения к 2100 г. между первыми двумя сценариями составит около 615 млн человек. При этом в настоящее время негативный сценарий можно назвать инерционным, потому что рождаемость в Китае активно движется к уровню показателей рождаемости в Южной Корее в последние годы, а эмиграция значительно превышает иммиграцию. В свою очередь, позитивный сценарий предполагает активные меры по стимулированию рождаемости, которые были успешно проведены на Сахалине, когда за несколько лет регион вышел на один из самых высоких показателей суммарного коэффициента рождаемости в Европе, не считая мусульманские регионы и страны. Таким образом, если правительство Китая в скором времени не озаботится проблемами рождаемости и не введет самые активные меры по ее поддержке, то страна окажется в «ловушке рождаемости» с сильным сокращением населения, которое не сможет восполнить миграция даже при условии, что Китаю удастся выйти на ее положительный уровень.

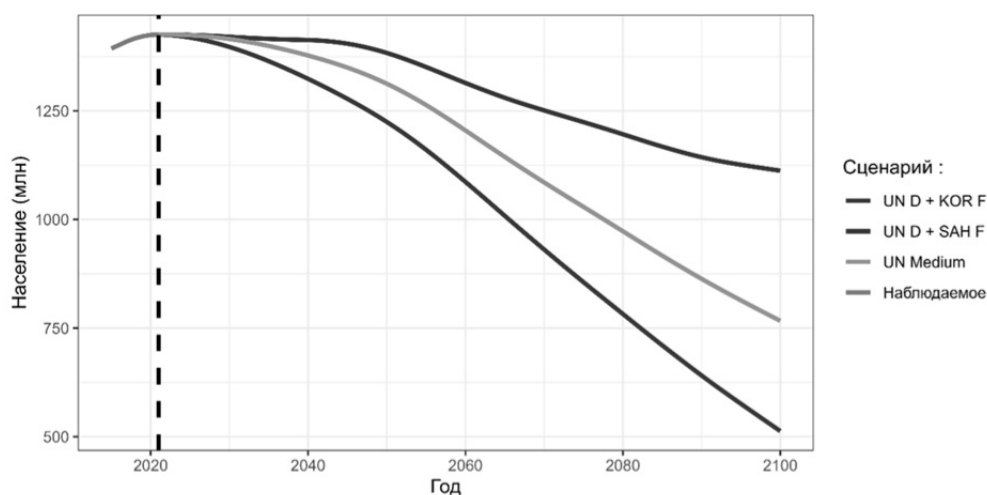

Рис. 1. Население Китая при разных сценариях с 2022 по 2100 г.

Индия

На рис. 2 представлены три сценария демографического будущего Индии:

1. UN D + IND2021 F показывает численность населения при условии, что уровень рождаемости будет оставаться неизменным на уровне 2021 г. (2,03 ребенка на женщину), а смертность будет снижаться по среднему сценарию ООН.

2. UN D + THA F показывает численность населения при условии, что уровень рождаемости будет доведен к 2040 г. до уровня Таиланда 2021 г. (с 2,03 до 1,33 ребенка на женщину), а смертность будет снижаться по среднему сценарию ООН.

3. UN Medium – средний сценарий Отдела народонаселения ООН.

Таким образом, первый сценарий можно назвать позитивным (население к 2100 г. составит порядка 1800 млн человек), а второй – негативным (население к 2100 г. составит около 1050 млн человек). Разрыв в численности населения к 2100 г. между этими сценариями составит около 750 млн человек. При этом даже по негативному сценарию население Индии будет продолжать расти вплоть до 2040-х гг., а потом начнет закономерно снижаться. В свою очередь, при позитивном сценарии, который все равно не доходит до уровня воспроизводства, население будет планомерно расти. Во многом это показывает, что уже сейчас Индии стоит начать разрабатывать и предпринимать меры по поддержке рождаемости, потому что вследствие активной модернизации рождаемость начнет естественным образом снижаться (что и происходит в последнее десятилетие, особенно на развитом юге страны). При этом важно уточнить, что чем раньше начнется программа по стимулированию рождаемости, тем скорее Индия выйдет на уровень позитивного сценария, так как при сохранении существующего негативного тренда число женщин, достигнувших репродуктивного возраста, уже через 25 лет будет значительно меньше того, которое могло бы быть. Это, в свою очередь, даже при поддержке рождаемости через 20 лет приведет к сценарию, который будет ниже позитивного.

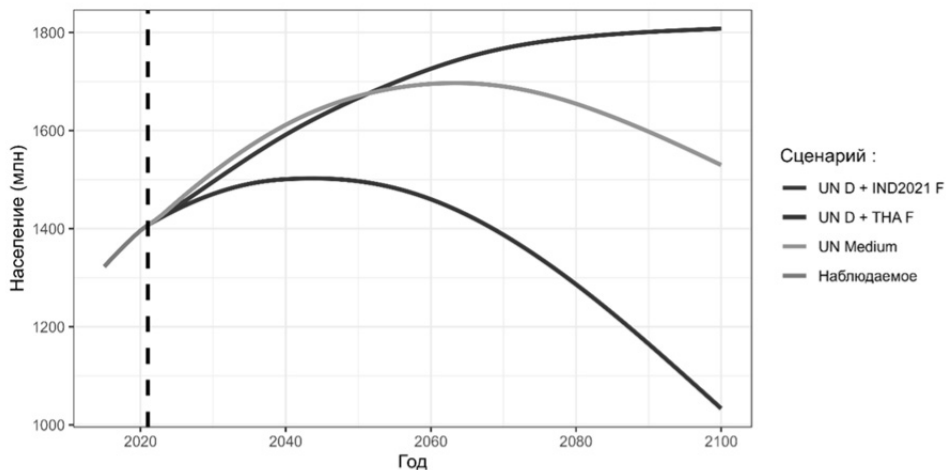

Рис. 2. Население Индии при разных сценариях с 2022 по 2100 г.

Бразилия

На рис. 3 представлены три сценария демографического будущего Бразилии:

1. UN D + FRA2010 F показывает численность населения при условии, что уровень рождаемости к 2035 г. будет доведен до уровня Франции 2010 г., которая тогда смогла выйти на лидирующие показатели рождаемости в Европе (с 1,63 до 2,02 ребенка на женщину), а смертность будет снижаться по среднему сценарию ООН.

2. UN D + THA F показывает численность населения при условии, что уровень рождаемости будет доведен к 2035 г. до уровня Португалии 2021 г. (с 1,63 до 1,36 ребенка на женщину), а смертность будет снижаться по среднему сценарию ООН.

3. UN Medium – средний сценарий Отдела народонаселения ООН.

Таким образом, первый сценарий можно назвать позитивным (население к 2100 г. составит порядка 240 млн человек), а второй – негативным (население к 2100 г. составит около 157 млн человек). Разрыв в численности населения к 2070 г. между этими сценариями составит около 80 млн человек. При этом даже по негативному сценарию население Бразилии будет продолжать расти вплоть до конца 2030-х гг., а потом начнет закономерно снижаться. В свою очередь, при позитивном сценарии, который все равно не доходит до уровня воспроизводства, население будет планомерно расти. При этом в настоящее время негативный сценарий можно назвать инерционным, потому что рождаемость в Бразилии активно движется в сторону показателей рождаемости в Португалии в последние годы. В свою очередь, позитивный сценарий предполагает активные меры по стимулированию рождаемости, которые были успешно проведены во Франции и вывели ее на лидирующие позиции по уровню рождаемости в Европе. Таким образом, если правительство Бразилии в скором времени не озаботится проблемами рождаемости и не введет самые активные меры по ее поддержке, то страна окажется в «ловушке рождаемости» с сильным сокращением населения, которое не сможет восполнить миграция.

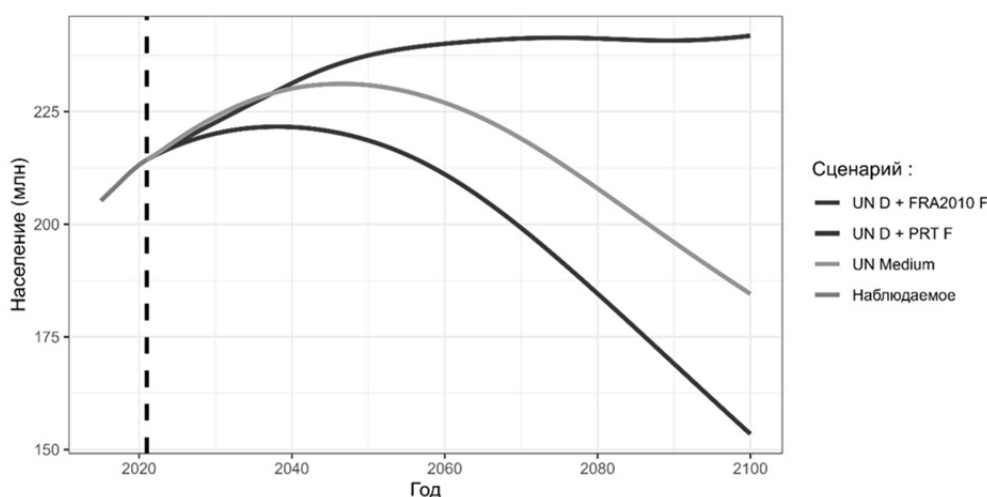

Рис. 3. Население Бразилии при разных сценариях с 2022 по 2100 г.

ЮАР

На рис. 4 представлены три сценария демографического будущего ЮАР:

1. UN D + ZAF2021 F + migration показывает численность населения при условии, что уровень рождаемости будет на уровне 2021 г. (2,363), который стабилизировался на этом уровне с 2000 г., смертность будет снижаться по среднему сценарию ООН, а миграционный поток существенно увеличится, как это было в период с 2011 по 2015 г. (в среднем – 226,761 тыс. человек, а за 2015–2019 гг. – 56,244 тыс. человек).

2. UN D + ZAF2021 F показывает численность населения при условии, что уровень рождаемости будет на уровне 2021 г., смертность будет снижаться по среднему сценарию ООН, а миграция будет на уровне 2015–2019 гг. (56,244 тыс. человек в год).

3. UN Medium – средний сценарий Отдела народонаселения ООН.

Таким образом, первый сценарий можно назвать позитивным (население к 2100 г. составит порядка 125 млн человек), а второй – инерционным (население к 2100 г. составит около 105 млн человек). Разрыв в численности населения к 2100 г. между этими сценариями составит около 20 млн человек, что полностью обеспечивается возросшим миграционным приростом. Следует отметить, что в случае с ЮАР негативным сценарием можно считать прогноз ООН, который предполагает сильное снижение рождаемости и миграцию на уровне 58 тыс. человек (к 2100 г. население составит 75 млн человек). Однако нам такой сценарий кажется маловероятным, поскольку он предполагает механическое доведение большинства стран, включая и Южную Африку, до уровня рождаемости в 1,8 к 2100 г. Тем не менее стоит учитывать, что и в этой стране могут потребоваться меры поддержки рождаемости для сохранения ее на прежнем уровне, однако это вряд ли потребуется в ближайшие 10 лет. Важным параметром развития для ЮАР выступает миграция, которая вполне может дорасти до уровня первого сценария, когда быстрорастущее население Африки будет перебираться на развитый Юг, однако для этого также потребуются действия со стороны правительства ЮАР.

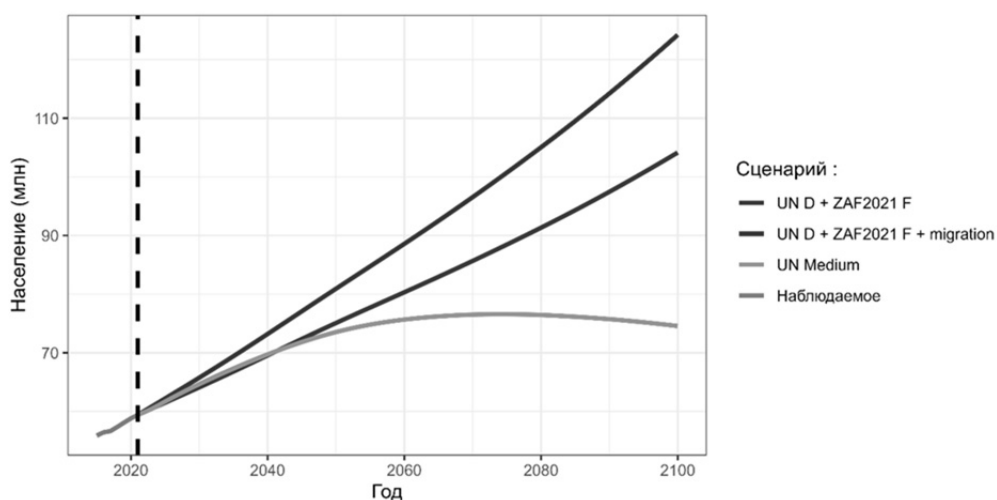

Рис. 4. Население ЮАР при разных сценариях с 2022 по 2100 г.

Россия

На рис. 5 представлены четыре сценария демографического будущего России:

1. 1998 F + 2004 D показывает численность населения при условии, что уровень рождаемости будет доведен до уровня 1998 г. (когда в стране с 1991 г. наблюдался худший уровень рождаемости) к 2030 г. (с 1,49 до 1,24 ребенка на женщину), а смертность возрастет до уровня 2004 г., когда еще не была проведена антиалкогольная кампания и ОПЖ России не вышла на устойчивый позитивный тренд (другими словами, в этом сценарии предполагается сохранение и увеличение избыточной смертности от алкоголя, а также сокращение расходов на здравоохранение, что приведет к росту смертности во всех возрастах и нивелирует достижения последних 20 лет).

2. 1998 F + CUB D показывает численность населения при условии, что уровень рождаемости к 2030 г. будет доведен до уровня 1998 г., а смертность будет снижаться кубинскими темпами (то есть этот сценарий предполагает увеличение расходов на здравоохранение, а также ликвидацию алкогольной смертности и второй эпидемиологический переход с «сердечно-сосудистой революцией»).

3. CUB D + SAN F показывает численность населения при условии, что уровень рождаемости к 2030 г. будет доведен до уровня Сахалинской области 2021 г. (которой удалось всего за несколько лет добиться выдающихся успехов в росте рождаемости за счет грамотных и активных мер поддержки – с 1,49 до 1,94 ребенка на женщину), а смертность будет снижаться кубинскими темпами;

4. SAN F + 2004 D показывает численность населения при условии, что уровень рождаемости к 2030 г. будет доведен до уровня Сахалинской области 2021 г., а смертность возрастет до уровня 2004 г.

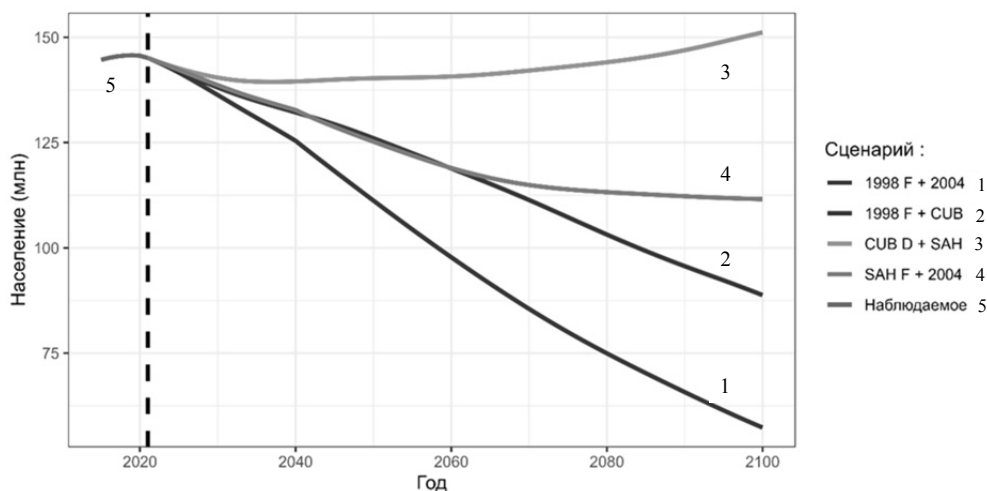

Рис. 5. Население России при разных сценариях с 2022 по 2100 г.

Таким образом, первый сценарий можно назвать негативным (население к 2100 г. составит менее 56 млн человек), а третий – позитивным (население к 2100 г. составит около 150 млн человек, то есть несколько превысит сегодняшнюю численность). Остальные сценарии сочетают в себе разные составляющие из позитивного и негативного сценариев. Разрыв в численности населения к 2100 г. между позитивным и негативным сценариями составит около 94 млн человек. При этом все сценарии, за исключением самого позитивного, предполагают сокращение численности населения. При ликвидации избыточной смертности и активных мерах по поддержке рождаемости население даже начнет понемногу прирастать после 2040 г., что, тем не менее, во многом будет объясняться довольно высокой миграцией. Следует отметить, что самый позитивный сценарий даже может быть превзойден, если поток мигрантов в страну увеличится, что вполне возможно, если учесть высокую рождаемость в Средней Азии. Однако для этого потребуются взвешенная и активная миграционная политика.

Второй сценарий отстает от позитивного к 2100 г. на 37 млн человек. Именно столько потеряет Россия при сохранении и углублении избыточной смертности

от алкоголя и недофинансировании здравоохранения. В свою очередь, если отменить меры поддержки рождаемости, но выйти на позитивный кубинский тренд в смертности, то разрыв с позитивным сценарием составит 62 млн к концу века. Таким образом, необходимо одновременно как проводить проактивную политику в сфере рождаемости, так и ликвидировать избыточную смертность от нездорового образа жизни и увеличить расходы на здравоохранение.

Ценностная карта мира при различных сценариях

На рис. 6 представлена ценностная карта мира по данным последней, седьмой волны Всемирного обзора ценностей. Можно заметить, что страны БРИКС на ней образуют заметный кластер. При этом наиболее близок к России оказывается Китай, а дальше всего находится Индия. В свою очередь, наибольшая разница в ценностях – между Китаем и Индией, а Алжир, Иран и Аргентина входят в ценностный ареал БРИКС (и являются потенциальными участниками БРИКС+). Среди кандидатов на вступление Египет – самая отдаленная по ценностям от БРИКС страна.

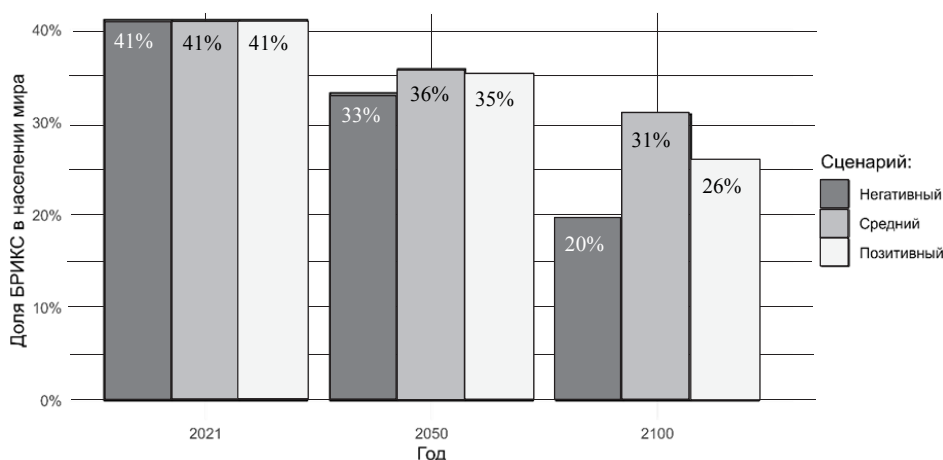

Рис. 6. Доля населения БРИКС в населении мира при различных сценариях развития БРИКС, 2021–2100 гг.

В 2021 г. кластер БРИКС занимал 41 % от населения мира, тем самым почти наполовину формируя ценностный портрет Земли (см. рис. 7). По любым сценариям доля БРИКС будет сокращаться. Так, по негативному сценарию население БРИКС составит 33 % в 2050 г. и 20 % к 2100 г. При этом по позитивному сценарию эти доли можно заметно увеличить до 36 % и 31 % к тем же годам соответственно. Таким образом, негативный сценарий может привести к заметному ослаблению БРИКС как в экономическом (из-за сокращения трудовых ресурсов), так и в ценностно-культурном отношении на мировой арене. Тем не менее позитивный сценарий также предполагает сокращение влияние стран БРИКС. Однако в настоящее время активно обсуждается новый формат – БРИКС+, куда уже изъявили желание войти некоторые страны, часть из которых обозначена на рис. 6 (Египет, Индонезия, Аргентина, Иран и Алжир). При этом такую же возможность рассматривают многие страны Африки, одна из которых – Нигерия, являющаяся крайне быстрорастущим государством.

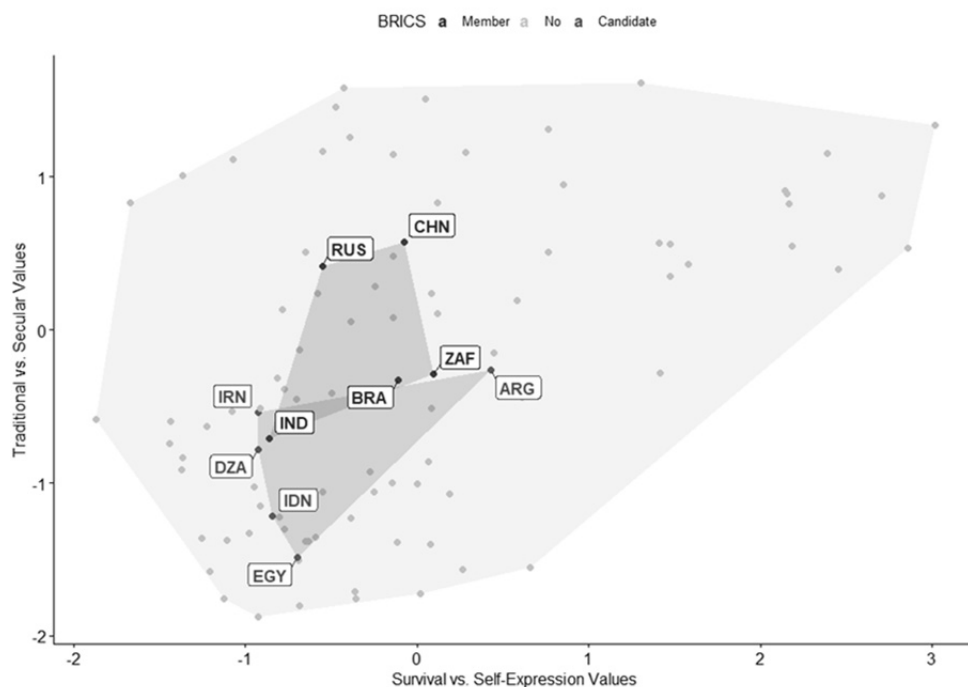

Рис. 7. Глобальная карта ценностей

Если проект БРИКС+ удастся и в него войдут новые страны, которые в целом попадают в ареал изначального объединения, то влияние БРИКС+ на ценностно-культурную карту мира будет значительным и подавляющим.

Литература

Алексеев О. А. Перспективы России в полицентричной системе международных отношений // Россия и современный мир. 2017. № 2(95). С. 226–230.

Гринин Л. Е. Ускорение реконфигурации Мир-Системы в связи с СВО и возможные сценарии будущего. Ст. 1. Как СВО влияет на реконфигурацию Мир-Системы // Век глобализации. 2023. № 2(46). С. 50–72.

Зинькина Ю. В., Слинко Е. В., Быканова Д. А., Кортаев А. В. Динамика ценностей и модернизация: опыт количественного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 1. С. 44–72.

Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г., Андреев А. И., Алешковский И. А. Демографические прогнозы и глобальная интеграция в ближайшей и среднесрочной перспективе // Век глобализации. 2018. № 1(25). С. 40–48.

Кортаев А. В., Бутовская М. Л., Шульгин С. Г., Зинькина Ю. В. Влияние глобального старения на глобальную систему ценностей // Век глобализации. 2021. № 4. С. 69–80.

Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС: научный доклад к VII саммиту БРИКС / под ред. В. А. Садовниченко, Ю. В. Яковца, А. А. Акаева. М.: МИСК – ИНЭС – НКИ БРИКС, 2014.

Попова Н. В. Страны БРИКС в формирующемся многополярном мире // Россия и современный мир. 2017. № 4(97). С. 155–162.

Попова Н. В. Россия в объединении БРИКС: ценностное и научно-технологическое измерение (политологический анализ): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2021.

Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики. М.: Наука, 2014.

Шульгин С. Г., Зинькина Ю. В., Андреев А. И., Коротаев А. В. Измерение межкультурного культурного расстояния через ценностные различия между индивидами и его влияние на глобальную торговлю // Экономика и математические методы. 2018. Т. 54. № 1. С. 3–25.

Andreev E. M., Kingkade W. W. Average Age at Death in Infancy and Infant Mortality Level: Reconsidering the Coale-Demeny Formulas at Current Levels of Low Mortality // Demographic Research. 2015. Vol. 33. Pp. 363–390.

Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2015.

Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2020.

Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.

Korotayev A., Zinkina J., Slinko E., Meshcherina K. Human Values and Modernization: A Global Analysis // Journal of Globalization Studies. 2019. Vol. 10. No. 1. Pp. 44–71.

Preston S. H., Heuveline P., Guillot M. Demography: Measuring and Modeling Population Processes. Oxford : Blackwell Publishers, 2001.

United Nations Department of Economics and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 14.08.2023).

References

Alekseyenko O. A. Perspektivy Rossii v politsentrichnoy sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy [Prospects for Russia in the Polycentric System of International Relations] // Rossiya i sovremennyy mir. 2017. No. 2(95). Pp. 226–230.

Grinin L. E. Uskoreniye rekonfiguratsii Mir-Sistemy v svyazi s SVO i vozmozhnyye stsenarii budushchego [Acceleration of the Reconfiguration of the World-System in Connection with the Special Military Operation in Ukraine and Possible Scenarios for the Future. Article 1. Kak SVO vliyayet na rekonfiguratsiyu Mir-Sistemy [How Special Military Operation in Ukraine Affects the Reconfiguration of the World System] // Vek globalizatsii. 2023. No. 2(46). Pp. 50–72.

Zin'kina Yu. V., Slin'ko Ye. V., Bykanova D. A., Korotayev A. V. Dinamika tsennostey i modernizatsiya: opyt kolichestvennogo analiza [Dynamics of Values and Modernization: Experience of Quantitative Analysis] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2018. Vol. 21. No. 1. Pp. 44–72.

Zin'kina Yu. V., Shul'gin S. G., Andreyev A. I., Aleshkovsky I. A. Demograficheskiye prognozy i global'naya integratsiya v blizhayshey i srednesrochnoy perspektive [Demo-

graphic Forecasts and Global Integration in the Near and Medium Term] // *Vek globalizatsii*. 2018. No. 1(25). Pp. 40–48.

Korotayev A. V., Butovskaya M. L., Shul'gin S. G., Zin'kina Yu. V. Vliyaniye global'nogo stareniya na global'nyuyu sistemu tsennostey [Influence of Global Aging on the Global System of Values] // *Vek globalizatsii*. 2021. No. 4. Pp. 69–80.

Perspektivy i strategicheskiye priority voskhozheniya BRIKS: nauchnyy doklad k VII sammitu BRIKS [Prospects and Strategic Priorities for the Ascent of the BRICS: a Scientific Report for the VII BRICS Summit] / ed. by V. A. Sadovnichy, Yu. V. Yakovets, A. A. Akayev. Moscow : MISK – INES – NKI BRIKS, 2014.

Popova N. V. Strany BRIKS v formiruyushchemsya mnogopolyarnom mire [BRICS Countries in the Emerging Multipolar World] // *Rossiya i sovremennyy mir*. 2017. No. 4(97). Pp. 155–162.

Popova N. V. Rossiya v ob'yedinenii BRIKS: tsennostnoye i nauchno-tekhnologicheskoye izmereniye (politologicheskyy analiz) [Russia in the BRICS Association: Value and Scientific and Technological Dimension (Political Analysis): Ph.D. Dissertation thesis. Moscow, 2021.

Sadovnichy V. A., Akaev A. A., Korotayev A. V., Malkov S. Y. Kompleksnoye modelirovaniye i prognozirovaniye razvitiya stran BRIKS v kontekste mirovoy dinamiki [Integrated Modeling and Forecasting of the Development of the BRICS Countries in the Context of World Dynamics]. Moscow : Nauka, 2014.

Shul'gin S. G., Zin'kina O. V., Andreyev A. I., Korotayev A. V. Izmereniye mezhdunarodnogo kul'turnogo rasstoyaniya cherez tsennostnyye razlichiya mezhdurazlichnyimi i yego vliyaniya na global'nyuyu trgovlyu [Measurement of Intercountry Cultural Distance through Value Differences between Individuals and its Impact on Global Trade] // *Ekonomika i matematicheskiye metody*. 2018. Vol. 54. No. 1. Pp. 3–25.

Andreev E. M., Kingkade W. W. Average Age at Death in Infancy and Infant Mortality Level: Reconsidering the Coale-Demeny Formulas at Current Levels of Low Mortality // *Demographic Research*. 2015. Vol. 33. Pp. 363–390.

Inglehart R. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2015.

Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2020.

Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.

Korotayev A., Zinkina J., Slinko E., Meshcherina K. Human Values and Modernization: A Global Analysis // *Journal of Globalization Studies*. 2019. Vol. 10. No. 1. Pp. 44–71.

Preston S. H., Heuveline P., Guillot M. *Demography: Measuring and Modeling Population Processes*. Oxford : Blackwell Publishers, 2001.

United Nations Department of Economics and Social Affairs, Population Division. *World Population Prospects*. 2022. URL: <https://population.un.org/wpp/> (accessed: 14.08.2023).